

Ребусы маленького бельгийца

В Москве, в Музее личных коллекций, открылась выставка Рене Магритта

Огромная ретроспектива Рене Магритта, состоявшаяся в этом году в Брюсселе в честь столетия со дня рождения художника, вызвала невероятный ажиотаж. Традиционно главным бельгийским художником, олицетворением фламандского духа, считается Питер Пауль Рубенс. Успех Рене Магритта потеснил этого классика, и если раньше Брюссель воспринимался как «город Рубенса», то теперь о нем говорят как о «городе Магритта», сменив барочную чувственность на сюрреалистическую отвлеченность.

Брюссель — сердце Европы, поэтому брюссельский ажиотаж перекинулся на оставшуюся часть континента, докатившись до Москвы и Петербурга, ошарашенных отличной выставкой Магритта из американского собрания Менил — одной из крупнейших в мире коллекций произведений художника. На ней представлено тридцать произведений, весьма убедительно характеризующих творчество Магритта, и это первая его выставка в России. Интересно, что в первый и последний раз три работы Магритта показывались в России в 1937 году на выставке современного бельгийского искусства, прошедшей в ГМИИ и Эрмитаже. Затем,

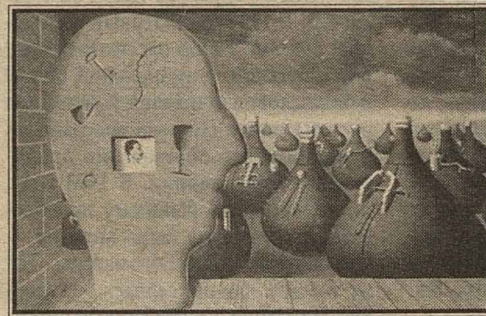
несмотря на левацкие политические пристрастия художника, советская культура его не жаловала.

Шумный мировой успех брюссельской ретроспективы доказал, что Магритт сейчас один из самых популярных художников XX века. Его полотна нравятся всем: детям, старикам, убежденным авангардистам, сторонникам традиционной живописи, людям, начисто лишенным навыка в восприятии изобразительного искусства, снобирующим постмодернистам, дизайнерам, изощренным интеллектуалам и легкомысленным модникам. Рэйвер и профессор, отшельник и тусовщик, художник и критик, брокер и учитель младших классов — все с удовольствием смотрят Магритта. Что же делает его искусство таким привлекательным, таким современным?

В первую очередь его загадочность. Огромное яблоко, расpirающее комнату, дождь из господ в котелках, пролившийся над городом, глаз, глядящий из куска ветчины, одиноко горящий фонарь при ясном солнце. Названия — «Владычество света», «Любезная сердцу истина», «Интерпретация снов», «Удел человеческого», «Алфавит откровений». Они не совпадают с образами, запечатленными на холсте, рождая ощущение двойственности жизни и смысла, скрытого за очевидностью, и постоянно намекают на неисчерпаемость внутреннего мира Магритта, влекущего в бездны подсознания,

тайных желаний и страстей. При невероятной многозначности магриттовские изображения нарочито просты. Набор предметов подчеркнuto обычен и стандартизирован. Его живописная манера, если вообще говорить о таковой, напоминает плакаты-пособия безымянных художников вроде «Спасение утопающих» или «Правила пожарной безопасности», что еще недавно в изобилии украшали советские учреждения. Как живописец Магритт старается быть анонимно беспристрастным, доступно объективным и поэтому наделяет свои образы убедительностью муляжа, демонстрирующего со всевозможной наглядностью мир фрейдистского беспредела.

Жажда — ничто, имидж — все. Эти слова популярной рекламы могут быть девизом нашего времени. Привыкнув к постоянному мельтешению образов, в изобилии льющихся с экранов телевизоров, журнальных и газетных страниц, рекламных щитов, — каждую минуту, на каждом шагу, — мы уже не осознаем разницы между видимостью и сущностью. В бешеной спешке современной жизни никто не успевает понять, что первично — мужики, скачущие на лошадях по бескрайним просторам неведомой страны, или пачка сигарет. Оба образа связываются в единое целое при всей своей внешней разнородности. Прием Магритта абсолютно идентичен подобному ходу, сейчас используемому на всех уровнях бытия — от рекламы стирального порошка

Рене Магритт. Самопроизвольное размножение. 1937

до президентской предвыборной кампании. Он прост и доходчив.

Магритт гениально сумел заставить современного человека сделать остановку в этой спешке, ткнуть его лицом в обыденный предмет и заставить погрузиться в отвлеченные размышления — настолько отвлеченные, что они заранее не могут рассчитывать на какую-либо результативность. На выставке Магритта всегда царит состояние невеселости сна или космического полета и предметы, столь обманчиво осязаемые, свободно летают по воздуху, а вместе с ними воспаряет и зритель, захваченный высокоумным абсурдом, лишаящим тяжести и мозг, и тело, и душу. Подобное избавление от тяжести и времени действует как барокамера.

Сейчас очень подчеркивается бельгийскость Магритта. Его жизнь подчеркнuto ординарна, как жизнь мелкого буржуа, не претендующего на творческие взлеты и падения, на художественную яркость и богемную оригинальность. Как маленькая Бельгия за своим заурядным общеевропейским фасадом таит неизведанные глубины, ведущие к адским преступлениям и божественным откровениям, так и картины Магритта, изобра-

жающие стертые лица, интерьеры и предметы, становятся оборотнями современной мифологии, соблазнительными и странными, как шабаш

ведьм в Вальпургиеву ночь. В общем — пип-шоу, разыгрывающее страсти по Софоклу и Еврипиду, — это то, о чем современность тоскует, и подобная многозначность дает современной жизни оправдание и смысл. В этом залог бешеного успеха Магритта, маленького бельгийца, подарившего миру множество ребусов.

Композиция одной из самых известных картин Магритта «Убийца в опасности», изображающая комнату, жалкий труп на кушетке, молодого человека у граммофона и окруживших его одинаковых людей в стоячих воротничках и галстуках, заимствована с киноплаката фильма Луи Фейада о Фантомасе, появившегося в 20 — 30-е гг., задолго до поздней версии с Жаном Маре и Луи де Фюнесом. Загадочный Фантомас — странный и безликий преступник, олицетворение зла — один из источников вдохновения Магритта. Мир его живописи сродни миру Фантомаса, но сотворен он рациональным, ординарным и подчеркнuto положительным Пуаро — знаменитым соотечественником Магритта, развяснившим Европе множество загадок и до сих пор столь же популярным, как и великий художник Рене Магритт.

Аркадий ИППОЛИТОВ

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ

1998. — 15 ноября. — с. 16.